

УДК 101.8

Киселев В.И.*Кемеровский государственный университет (Новокузнецкий филиал-институт)***ЛЕНТА МЁБИУСА КАК ВИЗУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ: НРАВСТВЕННОСТИ И ВОЛИ**

Аннотация. Нравственно-волевая характеристика совместной деятельности индивидов в определённом поле социума даёт конкретную оценку социальной напряжённости, показывает уровень усилий индивидов в процессе их взаимодействия. В статье утверждается, что в процессе непосредственной деятельности личностные интересы субъектов в силу взаимодействия закономерно преобразуются в объективный общий интерес. Выдвигается и получает обоснование положение о том, что непосредственное «живое» взаимодействие индивидов преобразует субъективные интересы, то есть волевые интенции индивидов, превращая их в интересы социальные, нравственные.

Ключевые слова: нравственность, воля, интерес, производство, организатор, исполнитель, социальная напряжённость.

V. Kiselev*Novokuznetsk Branch of Kemerovo State University***MOBIUS STRIP AS A VISUAL MODEL OF DIALECTIC TRANSFER OF THE OPPOSITES: MORALITY AND VOLITION**

Abstract. A strong-willed moral characteristic of collective activity of individuals in a specific field of the society allows of a specific estimation of social tension and shows the level of individuals' efforts in the course of their interaction. The article argues that during the activity personal interests of the involved are transformed into a common objective interest. Direct live interaction of individuals transforms subjective interests, i.e. strong-willed intentions of individuals, turning them into social and moral interests.

Key words: ethics, will, interest, production, organizer, performer, social tension.

Социально-производственная связь обуславливает зависимость единичного человека от других людей в удовлетворении первоочередных, жизненно важных потребностей [4]. Каждый человек в той или иной мере испытывает противоречивое чувство к совместной деятельности, или обществу. С одной стороны, человек не хочет быть зависимым и постоянно, на протяжении всей своей жизни, стремится к свободе, то есть к необременённости социальными связями. С другой стороны, только в обществе человек может удовлетворить жизненно важные фундаментальные потребности: питание, продолжение рода, признание. Данное противоречие состоит из противоположных сторон: волевой – индивидуальная свобода, и нравственной – социальная связь. Эти две противоположные стороны составляют сущность жизненной силы, которая является социально-био-

логической причиной постоянного напряжённого состояния, интенцией к совместной деятельности.

Социальное напряжение как атрибут совместной деятельности характеризует совместную деятельность и является отражением доминирующих интересов противоположных, но в то же время *связанных между собой* субъектов деятельности – организатора (работодателя) и исполнителя (наёмного работника) [5].

Деятельность человека, и прежде всего производственная, как специфически человеческая постоянно развивающаяся совместная деятельность, изменяет природу человека: переводит из животного природного состояния в осмысленное человеческое состояние. Процесс осмысления человеком окружающего природного и человеческого мира, а также себя в этом мире, способствует совершенствованию социальных отношений и, тем самым, совершенствованию самого человека. Развитие человека обусловлено развитием социальных отношений; в свою очередь, развитие социальных отношений обусловлено развитием производственных. В этих постоянных «взаимопереходах составляющих деятельности» [7], конечно же, особую роль играет совместная производственная деятельность.

С целью достижения наибольшей эффективности в производственной деятельности, принципом действия которой является *взаимодействие*, т. е. конвергенция энергий усилий организатора и исполнителя (работодателя и работника) на основе определённого баланса интересов каждой ведомой и ведущей сторон совместной деятельности, требуется постоянное

развитие справедливых социальных отношений. Исходя из истории развития совместной производственной деятельности, есть веские основания утверждать, что производительность труда является доминирующим критерием справедливости западноевропейского типа производственных отношений, как рациональный подход к полю совместной деятельности. Доминирующим критерием справедливости российского (восточноевропейского) типа производственных отношений является «социальная вера руководителю», иррациональный подход.

Диалектически связанные, внутренне противоположные стороны совместной производственной деятельности – экономическая эффективность и социальная справедливость, несмотря на различие в выше обозначенном нами проявлении на макроуровне, как рациональный и иррациональный подходы, имеют и единую фундаментальную *нравственно-волевую* основу микроуровня [2].

Экономическая эффективность и социальная справедливость находятся в рамках интереса функционально противоположных субъектов социально-производственной деятельности организатора (работодателя) и исполнителя (наёмного работника). Однако процесс организации, и тем более – развития, организации требует доминанты эффективности в интересе руководителя, а, естественно, в интересе исполнителя доминирует справедливость. Отсюда политика, или организация совместной деятельности – это не только и даже не столько умиротворение социальных отношений, сколько сближение энергий (усилий) противоположных сторон – частной

воли индивида и воли общества, т. е. нравственности. Нравственность и воля, в сущности, и есть основополагающие противоположные стороны, составляющие диалектическое единство человеческой деятельности.

Человеком рождается каждый – по образу; по сущности же каждый является тем, что он делает. В деятельности, а вернее – в совместной деятельности с другими, проявляется социальная сущность человека, и в ней же – совместной деятельности, посредством обмена деятельностью или энергией, появляется возможность развития человека. Следовательно, совместная, и прежде всего производственная, деятельность – это один из важнейших атрибутов общества, связанный с целенаправленным совершенствованием жизни как отдельного человека, так и исторически складывающихся в силу определённой специфики совместной деятельности отношений в самом обществе, а значит, и общества в целом. Иными словами, сущность человека определяется совокупностью исторически определённых общественных отношений и тем деятельным статусом, что он занимает в обществе: если человек руководит, он руководитель; если варит сталь, он сталевар; если учит – учитель и т. д. Всё разнообразие социальных ролей или специальностей, в конце концов, можно свести к двум основным производственным статусам: организатора и исполнителя, которые в своём бытии одновременно проявляются в двух противоположных ипостасях – альтруизма и эгоизма. Следует, однако, заметить, что односторонний крайний эгоизм бессмыслен, а крайний альтруизм – неестественен. В то же время производство, независимо от

его вида, то есть производство вообще, совмещает в себе разность интересов как на микроуровне – организатора и исполнителя, так и на макроуровне, а именно индивидуально-частный интерес с интересом социальным.

В стремлении к взаимодействию с другими субъектами с целью удовлетворения определённых потребностей интерес отдельного субъекта (как активный побудитель к деятельности, субъективный образ, отражающий потребность) является субъективным побудителем. Однако в процессе непосредственной деятельности личностные интересы субъектов в силу взаимодействия закономерно преобразуются в объективный общий интерес, так как без данного осознанного или неосознанного преобразования интересов социальная деятельность невозможна. *Взаимодействие* здесь и есть не что иное, как *преобразование*. Отрицать наличие преобразования интересов во взаимодействии – всё равно что «не видеть за деревьями леса». Как известно, противоположным действием интеграции интересов является дифференциация интересов при конфликте.

Непосредственное «живое» взаимодействие субъектов, таким образом, преобразует субъективные интересы, превращая их в интересы социальные. Социальный интерес, в свою очередь, фиксируется во взаимодействии не иначе, как через отдельного субъекта. Интерес отдельного субъекта, будь то работодатель или работник, содержится в своей основе нравственно-волевую константу. В этой антиномии и заключается трудность в понимании «трансцендентности» интереса, перехода индивидуально-личностных ин-

тересов в общий социальный интерес в процессе взаимодействия. Взаимодействие, таким образом, играет роль известного «чёрного ящика» (аналитической модели), у которого вещь «на выходе» совсем иная, чем «на входе». Вещь на выходе, или результат взаимодействия субъектов, будет тем эффективнее, чем выше справедливость во взаимодействии, т. е. беспристрастная согласованность их интересов, а значит, и более устойчивы социальные связи и возникающие в определённом контексте социальные отношения. Таков механизм перехода интересов с личностного уровня на социально-общностный.

Социальный интерес по форме есть атрибут взаимодействия; по содержанию это переход субъективных моментов личностных интересов в объективные. При таком переходе множество разнообразных (по направленности, силе проявления и пр.) индивидуально-личностных интересов субъектов взаимодействия преобразуются в единый общий интерес. Социальный интерес является и объективным отношением, и одновременно субъективным побудителем, т. е. единством объективного и субъективного. Любой интерес, в отличие от слепого инстинкта, содержит наряду с «индивидуально-личным» моментом момент «общего» – социального [6].

Процесс взаимодействия наряду с волевым принципом «экономической эффективности» опирается и на нравственный принцип «социальной справедливости». Отстранённость от нравственного принципа наблюдается в случае произвола в социальных отношениях, т. е. забвения нравственного императива И. Канта, закономерно

влекущего за собой вслед за попранием нравственного принципа социальной справедливости и ослабление волевого принципа экономической эффективности.

Таким образом, нравственность и воля есть внешние, переходящие одна в другую противоположные стороны диалектического единства совместной человеческой и, прежде всего, как мы неоднократно подчёркивали, производственной деятельности.

К вопросам нравственности помыслов и поступков в процессе человеческой деятельности обращались ещё греческие мыслители. Так, по мнению Сократа, возражавшему софистам, добродетель состоит не в том, чтобы выгадывать, а выгода состоит в том, чтобы быть добродетельным. Получив в наследство этический рационализм Сократа, согласно которому добродетель есть знание, Аристотель, разумеется, не ставит под сомнение задачу познания добродетели. Значительная часть его этического исследования посвящена как раз ответу на вопрос о том, что такое нравственная добродетель. Характеризуя добродетель как середину между двумя порочными крайностями, Аристотель подчёркивает, что она является разной для разных добродетелей и разной для разных индивидов. И нахождение середины в каждом случае – это особое искусство и индивидуальный акт. В итоге Аристотель приходит к выводу, что добродетельными являются поступки, которые совершает добродетельный человек [1].

Принципиально другое, по сравнению с аристотелевским, понимание нравственности предложил Кант. Поступок как разумный акт может

быть описан с помощью силлогизма, где общей посылкой является его основоположение (принцип), частной посылкой – особые обстоятельства, в которых он совершается, выводом – решение, или сам поступок в узком смысле слова. Кант связывает нравственность не с особой природой поступка, а с его общим основоположением. Моральная ценность поступка, считает он, зависит только от принципа *воления*. Сосредоточением нравственности, по Канту, является нравственный закон, который от всех прочих законов отличается тем, что обладает абсолютной необходимостью и в этом смысле является законом как таковым, воплощает саму идею закона, состоящую в его всеобщности (речь идёт о знаменитом категорическом императиве, который как раз и представляет собой нравственный закон) [3].

Естественным образом возникает вопрос: как возможен категорический императив Канта? Сам Кант считал, что «все усилия и старания найти такое объяснение тщетны» [7, с. 308]. Однако поиск ответа на вопрос перехода волевой стороны деятельности субъекта к нравственной стороне продолжается до настоящего времени в научной и художественной литературе.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что проблемный вопрос возможности нравственного закона не входит в предмет нашей статьи. Цель её – применить пространственную модель, а значит, попытаться представить зрительный образ для представления связи противоположных сторон единого: нравственности и воли в процессе совместной человеческой деятельности (взаимодействия).

В этой связи думается, что в качестве такой модели вполне корректна лента Мёбиуса: топологический объект, или односторонняя при вложении в обычное трёхмерное Евклидово пространство простейшая не/ориентируемая поверхность с краем, где попасть из одной точки этой поверхности в другую можно не пересекая края.

Не представляет особой трудности заметить, что конструкция ленты Мёбиуса имеет в своей непрерывности одной стороны точку перехода (а значит, прерывность) в другую непрерывность другой стороны. За кажущимся на первый взгляд приведённым нами словесным каламбуром просматривается простая идея – практическое расщепление конструкции ленты. Если произвольно взять отправную точку на ленте Мёбиуса и, не пересекая края, подойти к противоположной, то перед нами очевиден (в виде знака бесконечности) переход одного края в другой.

Наш пример с лентой Мёбиуса – это прямая аналогия перехода противоположных сторон диалектического единства нравственности и воли, а также и вышеприведённых бинарных оппозиций: положительной и отрицательной социальной напряжённости, свободы и социальной связи, экономической эффективности и социальной справедливости, индивидуально-личного интереса и общего группового интереса – словом, тех противоположных сторон, без которых в принципе невозможна производственная деятельность. Здесь совместная производственная деятельность соединяет то, что кажется несоединимым – волю и нравственность, или словами Ф.М. Достоевского, говорившего о любви и не-любви, если позволительна такая ана-

логия, здесь «*дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей*».

Основное содержание социального взаимодействия в сфере производства составляет, таким образом, обмен деятельностью между субъектами, имеющий многократно опосредованный характер, можно даже сказать, бесконечный, как в ленте Мёбиуса, переход – нравственности и воли. Взаимный обмен деятельностью постоянно изменяет субъектов, а тем самым – и систему в целом. Именно *обмен деятельностью* между субъектами является источником её постоянного напряжения и обновления.

В заключение сформулируем выводы.

Процесс совместной деятельности постоянно порождает *раздвоение* производства на само производство и управление им, внешнюю противоположность, в которой производство выражает имманентную ему противоположность между непосредственным производством (производительный труд) и распределением результата процесса производственной деятельности (непроизводительный труд). То обстоятельство, что социальная напряжённость формируется в процессе совместной производственной деятельности, которая обусловлена определённым способом производства, нисколько не изменяет природы самой социальной напряжённости. Иными словами, при любом способе производства присутствуют как волевые, так и нравственные «начала». Если проявление нравственных начал в совместной деятельности социума не столь заметно, то это говорит только о значительном проявлении в совместной деятельности волевых начал. В

этом же социуме при изменившихся условиях совместной деятельности мы можем наблюдать обратное явление, где нравственные начала затеяют, сковывают волевые (инициативу и предприимчивость). Иначе говоря, проявление нравственных начал в повышении работоспособности социума есть с другой стороны, затенение, сковывание волевых, и наоборот.

Единый процесс повышения напряжённости или работоспособности социума является, таким образом, двухсторонним: один его полюс – соединение труда, а именно кооперация и коллективность – это нравственные начала; другой, противоположный полюс – разделение труда (специализация и индивидуализм) – волевые. Эта раздвоенность производства на внутренние противоположности и обеспечивает возможность его поступательного движения, развития, причём не только материальной, но и духовной сферы совместной деятельности.

В свою очередь, духовная сфера не только отражает материальную сферу, но и при определённых условиях и определённым образом воздействует на последнюю. Иными словами, сознание определяет бытие и рационально соотносит в совместной деятельности диалектически связанные между собой нравственность и волю, что и является главным условием в решении проблемы управляемости социальной напряжённости, или производительностью труда в совместной деятельности.

Разница отношений к условиям совместной деятельности и есть источник социального напряжения. Социальное напряжение и его источник – разность отношений орга-

низатора и исполнителя к условиям совместной деятельности, как и сама совместная деятельность и её субъекты – организатор и исполнитель, имеют место быть до тех пор, пока существует высшая на Земле форма организации живой природы – общество, какого бы уровня развития (формации) оно ни достигло. Нет, и не может быть в принципе совместной деятельности без наличия основных её субъектов – организатора и исполнителя. Совместная деятельность без организатора – такая же бессмыслица, как и совместная деятельность без непосредственных исполнителей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
2. Ерастов В.В., Киселев В.И. Экономическая эффективность и социальная справедливость: графическая модель соотношения принципов // Вестник АГАУ. Барнаул. 2010. № 1. С. 114–118.
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. в 6 томах. Т. 4 (1). М.: Мысль, 1965. 544 с.
4. Киселев В.И. Производство как интегрирующий фактор антропосоциогенеза // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2013. № 3. С. 28–33.
5. Киселев В.И. Социальная напряжённость как социально-философская категория (постановка проблемы) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб. 2013. № 160. С. 166–174.
6. Киселев В.И. Интересы работодателя в региональной политике // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. Новосибирск. 2011. № 4. С. 58–64.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.